

ГАЙ СВЕТОНИЙ
ТРАНКВИЛЛ

*Жизнь
двенадцати
цезарей*

Санкт-Петербург

Предисловие

Содержание этой книги — вереница римских императорских имен, знакомых, хотя бы понаслышке, даже тем читателям, которые никогда не занимались древней историей. Юлий Цезарь, который на берегу Рубикона говорит «Жребий брошен!» и начинает гражданскую войну; а потом, падая под кинжалами заговорщиков, произносит: «И ты, Брут!» Август, который с гордостью заявляет, что принял Рим кирпичным, а потомкам оставляет мраморным. Дряхлый Тиберий, в своем уединении на Капри злорадно любующийся, как губят друг друга доносами его враги-сенаторы. Калигула, собирающийся назначить сенатором своего коня. Клавдий с его императрицей Мессалиной, имя которой стало синонимом неистового разврата. Нерон, устроивший пожар Рима, чтобы вдохновиться на поэму о пожаре Трои. Веспасиан с его циническими словами «деньги не пахнут». И благородный Тит, который, если не сделал за день ни одного доброго дела, говорил: «Друзья, я потерял день».

Все эти фигуры, приукрашенные преданиями и фантазиями, давно превратились из исторических образов в художественные. И это во многом благодаря книге Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Это не значит, что Светоний был бульварным писателем, расписывавшим «тайны римского двора» — интриги, отравления, заговоры и самоубийства. Он был серьезным историком, и современные ученые благодарны ему за множество ценных сведений. Но он сосредоточивал внимание не на историческом процессе, а на том лице, которое казалось ему

центром исторического процесса, — и это было интересно не только для ученых. Поэтому у читателей всех веков Светоний неизменно оставался одним из самых читаемых античных авторов. Не ослабело внимание к нему и в наши дни.

Однако сам Светоний писал не для всех веков и не для наших дней, а для своих римских современников, которые знали римскую жизнь и понимали многое с полуслова. Поэтому, раскрывая «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, нынешний читатель, чтобы не запутаться в пестрой массе имен и фактов, должен хотя бы немного представить себе и тот исторический фон, на котором разворачиваются придворные драмы, описанные Светонием.

Действие этой книги охватывает почти два столетия — с 80-х гг. до н. э. до 96 г. н. э. В начале этого времени Рим — республика, а через несколько десятилетий Рим — уже империя. Но эту империю не следует воображать самодержавной монархией с всемогущим государем во главе. В Риме империя не отменила республику, а как бы дополнила ее. Имперские учреждения налегли на республиканские учреждения сверху, придавили, но не уничтожили их. Вот эту своеобразную картину и следует все время держать перед глазами, читая Светония.

Считалось, что римский император пользуется своей властью не по захвату и не по наследству, а просто в силу своего высокого морального авторитета — как «первый человек» в государстве (по-латыни — «прицепс»; поэтому раннюю Римскую империю в учебниках часто называют «принципатом»). На самом деле, кроме этого морального авторитета (весьма сомнительного), император обладал верховным начальством над всеми войсками римского государства, и это было, конечно, гораздо важнее.

Император жил в центре Рима, на Палатинском холме. Дом его (понемногу достраивавшийся и перестраивавшийся преемниками) мало чем отличался от большого дома всякого римского вельможи. У него был свой круг «друзей», с которыми он при желании советовался о важных делах; была своя казна, независимая от общегосу-

дарственной; был свой штат управляющих, которые вели его хозяйство, принимали прошения, рассылали распоряжения, выполняли поручения (часто это были незнатные люди, даже вольноотпущенники, но в их руках была большая сила); и, наконец, ему принадлежала верховная власть над пограничными провинциями, где стояли войска, охранявшие римское государство.

Центром римского государства было Средиземноморье, а пограничными окраинами — на севере Рейн и Дунай, где приходилось воевать с германцами, а на востоке Евфрат, где приходилось воевать с парфянами. Императорские наместники и другие должностные лица в этих провинциях назывались прокурорами и префектами, командиры легионов — легатами. Легионов (при Августе) было 25, приблизительно по 6 тыс. человек каждый (не считая вспомогательных войск). Кроме того, в Риме стояло 10 тыс. человек преторианской гвардии под начальством «префекта претория» — как бы личная охрана императора. После удачных кампаний на границах в Риме справлялся триумф — торжественное шествие полководца и войска через весь город к храму Юпитера Капитолийского: везли добычу, вели пленников и т. д. Главным героем триумфа считался император, даже если он лично не участвовал в войне.

Управлять большой державой только с помощью такого лично подобранного штата было невозможно. Поэтому император опирался на государственный аппарат, оставленный ему республикой. Средоточием этого аппарата был сенат («совет старейшин») — около 600 человек; считалось, что это — потомки древнейших и знатнейших римских родов, но на практике он все время постепенно обновлялся и укреплялся «новыми людьми». Сенату принадлежал надзор за городом Римом, Италией и центральными провинциями государства; сенат распоряжался основной государственной казной; сенат издавал постановления и законы, сперва — по собственной инициативе, потом — все больше по указке императора.

Пополнялся сенат преимущественно отслужившими свой срок должностными лицами, обычно из сенаторских

же сыновей. Таких служб в сенаторской карьере сменялось несколько, каждая длилась год. Молодой человек служил год в какой-нибудь комиссии по городскому судопроизводству и благочинию; через некоторое время становился одним из 20 квесторов, чиновников (в Риме или в провинции) по финансовым делам; еще через некоторое время — одним из 10 трибунов или 4 эдилов, которые ведали благоустройством города и развлечениями народа; затем — одним из 8 (или больше) преторов, занимавшихся преимущественно судебными делами; наконец — одним из двух консулов, которые по республиканской традиции считались высшими правителями государства на текущий год. (Чтобы больше народу успело пройти через эту высокую должность, при императорах стали назначать «сменных консулов» — вторую, а то и третью пару в год.) Пределом карьеры считалось звание одного из двух цензоров — они вели списки граждан и занимались пополнением и сокращением состава сената; это важное право имел пожизненно и сам император. Соответственно этой иерархии подавались голоса и на заседаниях сената; сперва опрашивались бывшие консулы, потом бывшие преторы и т. д. Отслужив свой год, консулы и преторы отправлялись наместниками в подведомственные сенату провинции в звании проконсулов и пропреторов.

Такова была гражданская карьера сенатора. Военная его карьера складывалась несколько по-иному. Простой солдат мог дослужиться лишь до высшего унтер-офицерского чина — центуриона (исключения — редкость); на этих старослужащих воинах держалась сила армии. Но молодой человек из хорошего дома мог, минуя солдатскую участь, начать службу прямо центурионом, а затем пройти три должности в легионе — начальство над конницей, начальство над вспомогательными войсками и начальство над легионом в целом. Эта последняя должность называлась «войсковой трибун»: их было шестеро в каждом легионе, при республике они командовали им посменно, при империи стали помощниками легата. Выслужившиеся таким образом принимались в сенат по прямой рекомен-

дации императора и могли притязать на должности преторов и консулов, требовавшие военного опыта. Разумеется, таким же образом император мог рекомендовать в сенат кого угодно, и это с благоговением принималось.

Кроме гражданской и военной службы, в политической жизни Рима играла роль жреческая служба: жрецы обеспечивали покровительство богов римскому государству и могли при необходимости ускорить или задержать какое-нибудь мероприятие, сославшись на небесные знамения. Жреческие должности тоже были выборные, но не на год, а (обычно) пожизненно. Верховная коллегия из 15 человек называлась понтификами (во главе с Великим понтификом); жрецы Юпитера, Марса и Квирина назывались фламины; жрицы Весты, поддерживавшие неугасимый огонь в ее храме, — девы-весталки, обязанные хранить целомудрие в течение 30 лет; хранителями гадательных «сивиллиных книг», к которым государство обращалось в критические моменты, были квиндецемвиры («15 мужей»); гадателями по полету птиц — авгуры; гадателями по внутренностям жертвенных животных — гаруспики.

Организованный таким образом и сам себя пополняющий сенат образовывал высшее сословие римского общества — сенатское сословие. Для поддержания сенаторского достоинства сенатор должен был обладать большим состоянием (миллион сестерциев); обедневшим потомкам старых родов иногда помогал деньгами сам император.

Вторым, средним сословием римского общества были так называемые всадники (название это сохранилось с тех древнейших времен, когда член этого сословия должен был иметь средства содержать боевого коня); их имущественный ценз равнялся 400 тыс. сестерциев. Доходы сенаторов шли преимущественно от их земельных владений (заниматься торговлей им было официально запрещено), доходы всадников — от торговых операций, в частности — от откупов. По мере того как разрастался штат императорской службы, она все чаще черпала кадры имен-

но из всадников. Так как сенаторам было запрещено покидать Италию иначе чем по служебным делам, то в провинциях всадники были самыми важными людьми.

Наконец, третьим и низшим сословием римского общества оставался народ — крестьяне, ремесленники, городская чернь. Многие из них, будучи неимущими, составляли как бы свиту сенаторов и богачей и кормились их подачками — они назывались «клиентами» своих патронов. Жители Рима и его окрестностей периодически собирались на народные собрания (на Марсовом поле перед городской стеной): здесь народ должен был выбирать голосованием всех должностных лиц, вплоть до консулов. Голосование велось «по трибам»: народ был расписан на 35 округов, триб, и каждая триба подавала отдельный голос. В эпоху республики народное собрание представляло собой реальную политическую силу, и народ немало наживался, получая взятки с кандидатов. В эпоху империи роль его свелась на нет, и оно только подтверждало кандидатуры, назначенные императором и одобренные сенатом.

Требованием обедневшего римского простонародья было «хлеба я зрелищ!». Даровыми (или удешевленными) раздачами хлеба распоряжались часто сами императоры; поразить народ зрелищами или пышными постройками стремился каждый, кто искал популярности ради карьеры. Зрелища обычно бывали трех видов: в театре (под открытым небом, зрительские места полукольцом вокруг сцены) — комедии-фарсы, «мимы», обычно из повседневной жизни; в амфитеатре («двойной театр», тоже под открытым небом, зрительские места полным кольцом вокруг арены) — травля зверей и гладиаторские бои; в цирке (длинный стадион между двумя римскими холмами) — скачки колесниц. В порядке особой роскоши устраивались «навмахии», инсценировки морских сражений в специально вырытых прудах.

Молодой римлянин первые шесть лет своей жизни рос на попечении матери и нянек, а затем начинал учиться. Учение было трех ступеней, и все сводилось к тому, что

в наших школах называется «развитие речи»: как на родном латинском языке, так и на необходимом для культурного человека греческом. Сперва «литератор» (он же «грамматист») учил мальчика начаткам чтения, письма и счета; эту школу проходили все, неграмотных в Риме почти не было (полуграмотных — сколько угодно). Потом «грамматик» занимался объяснительным чтением классических авторов (из греческих — Гомера, из латинских — Энния, Теренция, потом Вергилия и др.): здесь исследовались тонкости языка и стиля, а заодно — мифологии, астрономии, истории, всего, о чем хотя бы мимоходом упоминалось в читаемых текстах. Наконец, «ритор» переходил от обучения пассивному слову к обучению активному слову — к сочинению речей на вымышленные темы, сперва простые, потом сложные до вычурности; тем, кто хотел сделать карьеру на штатском поприще, в суде и сенате, такие упражнения были драгоценны. Около 16 лет отмечалось совершеннолетие: юноша менял отроческую тогу с цветной каймой на белую взрослую. «Вступал в жизнь» молодой человек поначалу в свите старшего опытного «патрона», а потом уже действовал самостоятельно. Дела обычно занимали первую половину дня, от рассвета до полуденной сиесты; затем следовала баня (большие общественные бани в Риме играли роль настоящих клубов), а вечер был занят обедом с гостями и разговорами.

Таковы были три сословия полноправных римских граждан, управлять которыми приходилось светониевским императорам. Поголовно это гражданское право распространялось только на территорию Италии (да и здесь уроженцы Рима охотно упрекали уроженцев окраинных городов их темным происхождением). За пределами Италии, в провинциях, города с полным римским гражданским правом (или несколько ограниченным «латинским правом») были лишь россыпью среди поселений бесправных местных жителей. Это были «колонии римского народа» — здесь поселялся и получал хорошие надельные безземельный плебс, который соглашался покинуть Италию, или воины-

ветераны, после двадцатилетней службы получавшие отставку, римское гражданство и землю. Города эти управлялись, как маленький Рим: с народным собранием, «курией» вместо сената и ежегодными «дуумвирами» вместо консулов. Расширявшаяся сеть этих городов служила романизации и культурному единству всего Средиземноморья, но об этом Светоний не задумывался, это лежало за пределами его темы и его интересов.

М. Л. Гаспаров

*Жизнь
двенадцати
цезарей*

Божественный Юлий

1.

На шестнадцатом году¹ он потерял отца. Год спустя, уже назначенный жрецом Юпитера, он расторг помолвку с Коссудией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили еще подростком, — и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом. Вскоре она родила ему дочь Юлию. Диктатор Сулла никакими средствами не мог добиться, чтобы он развелся с нею. (2) Поэтому, лишенный и жреческого сана, и жениного приданого, и родового наследства, он был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться². Несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока наконец не добился себе помилования с помощью девственных весталок³ и своих родственников и свойственников — Мамерка Эмилия и Аврелия Котты. (3) Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, как известно, Сулла сдался, но воскликнул, повинувшись то ли божественному внушению, то ли собственному чутью: «Ваша победа, получайте его! но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для

дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!»

2. Военную службу он начал в Азии, в свите претора Марка Терма. Отправленный им в Вифинию, чтобы привести флот, он надолго задержался у Никопада⁴. Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания долга, причитавшегося одному его клиенту-вольноотпущеннику. Дальнейшая служба принесла ему больше славы, и при взятии Митилен⁵ он получил от Терма в награду дубовый венок⁶.

3. Он служил и в Киликии при Сервилии Исаврике, но недолго: когда пришла весть о кончине Суллы и явилась надежда на новую смуту, которую затевал Марк Лепид, он поспешно вернулся в Рим. Однако от сообщества с Лепидом он отказался, хотя тот и прельщал его большими выгодами. Его разочаровал как вождь, так и самое предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал.

4. Когда мятеж был подавлен, он привлек к суду по обвинению в вымогательстве Корнелия Долабеллу, консуляра и триумфатора⁷; но подсудимый был оправдан. Тогда он решил уехать на Родос, чтобы скрыться от недругов и чтобы воспользоваться досугом и отдыхом для занятий с Аполлоном Молоном, знаменитым в то время учителем красноречия⁸. Во время этого переезда, уже в зимнюю пору, он возле острова Фармакусы⁹ попался в руки пиратам и, к великому своему негодованию, оставался у них в плену около сорока дней. При нем были только врач и двое слугителей: (2) остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда наконец он выплатил пиратам пятьдесят талантов¹⁰ и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той

самой казнью, какой не раз, шутя, им грозил. Окрестные области опустошал в это время Митридат; чтобы не показаться безучастным к бедствиям союзников, Цезарь покинул Родос, цель своей поездки, переправился в Азию, собрал вспомогательный отряд и выгнал из провинции царского военачальника, удержав этим в повиновении колеблющиеся и нерешительные общины.

5. Первой его должностью по возвращении в Рим была должность войскового трибуна¹¹, присужденная ему народным голосованием. Здесь он деятельно помогал восстановлению власти народных трибунов, урезанной при Сулле. Кроме того, он воспользовался постановлением Плотия, чтобы вернуть в Рим Луция Цинну, брата своей жены, и всех, кто вместе с ним во время гражданской войны примкнул к Лепиду, а после смерти Лепида бежал к Серторию; и он сам произнес об этом речь.

6. В бытность квестором он похоронил свою тетку Юлию и жену Корнелию, произнес над ними, по обычаю, похвальные речи¹² с ростральной трибуны. В речи над Юлией он, между прочим, так говорит о предках ее и своего отца: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».

(2) После Корнелии он взял в жены Помпею¹³, дочь Квинта Помпея и внучку Луция Суллы. Впоследствии он дал ей развод по подозрению в измене с Публием Клодием. О том, что Клодий¹⁴ проник к ней в женском платье во время священного праздника, говорили

с такой уверенностью, что сенат назначил следствие по делу об оскорблении святынь.

7. В должности квестора он получил назначение в Дальнюю Испанию. Там он, по поручению претора объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес¹⁵ и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности, — ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте¹⁶ уже покорил мир, — и тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел. (2) На следующую ночь его смутил сон — ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого¹⁷.

8. Покинув, таким образом, свою провинцию раньше срока, он явился в латинские колонии¹⁸, которые добивались тогда для себя гражданских прав. Несомненно, он склонил бы их на какой-нибудь дерзкий шаг, если бы консулы, опасаясь этого, не задержали на время отправку набранных для Киликии легионов.

9. Это не помешало ему вскоре пуститься в Риме на еще более смелое предприятие. Именно, за несколько дней до своего вступления в должность эдила, он был обвинен в заговоре¹⁹ с Марком Крассом, консуляром, и с Публием Суллой и Луцием Автронием, которые должны были стать консулами, но оказались уличены в подкупе избирателей. Предполагалось, что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство

Автронию и Сулле. (2) Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в истории, Марк Бибул в эдиктах, Гай Курион Старший в речах; то же самое, по-видимому, имеет в виду и Цицерон, когда в одном из писем к Аксию²⁰ говорит, что Цезарь, став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом. Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избения день, а потому и Цезарь не подал условленного знака, — по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча. (3) Тот же Курион, а с ним и Марк Акторий Назон сообщают, что Цезарь вступил в заговор также с молодым Гнеем Пизоном; а когда возникло подозрение, что в Риме готовится заговор, и Пизон без просьбы и вне очереди получил назначение в Испанию, то они договорились, что одновременно поднимут мятеж — Цезарь в Риме, а Пизон в провинции — при поддержке амбронов и транспаданцев²¹. Смерть Пизона²² разрушила замыслы обоих.

10. В должности эдила он украсил не только комиций²³ и форум с базиликами²⁴, но даже на Капитолии выстроил временные портики, чтобы показывать часть убранства от своей щедрости. Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, поэтому даже общие их траты приносили славу ему одному. Его товарищ Марк Бибул открыто признавался, что его постигла участь Поллукса: как храм божественных близнецов на форуме называли просто храмом Кастора, так и его совместную с Цезарем щедрость приписывали одному Цезарю. (2) Вдобавок Цезарь устроил и гладиаторский бой, но вывел меньше сражающихся пар, чем собрался²⁵: собранная им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определенного количества гладиаторов.